

УДК 342

ББК 67.400

О предмете и объектах конституционного регулирования

Ю.В. Ким

Кемеровский институт Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова (Кемерово, Россия)

The Subject and the Objects of the Constitutional Regulation

Yu.V. Kim

Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics
(Kemerovo, Russia)

При оценке эффективности конституций должны учитываться качество содержащегося в них нормативно-правового материала, а также их влияние на динамику государственности и устойчивость государства. Конституция РФ сыграла важную роль в стабилизации политической системы, становлении начал правового государства и укреплении конституционной законности. По мере развития государства возникает объективная необходимость внесения изменений в конституцию, что обусловлено совершенствованием практики конституционализма, изменением подходов к определению пределов и глубины конституционного регулирования общественных отношений. При этом в Конституции РФ выявляются существенные изъяны доктринального, формально-логического и технико-юридического характера, обусловленные ее переходным характером. По целому ряду фундаментальных позиций она вступает в неразрешимое противоречие с новыми стратегическими ориентирами государственного и общественного развития России, которые оформляются в современных условиях. Данное обстоятельство является побудительным мотивом для расширения общественной дискуссии о выборе оптимальной модели конституции. Автор считает, что применительно к конституции, а также к правовым отраслям параллельное использование юридических конструкций предмета и объекта не только уместно, но и желательно как в целях прикладных, так и научно-познавательных. В статье анализируются подходы к определению дальнейшей перспективы действующей Конституции России.

Ключевые слова: предмет, объект конституционного регулирования, конституция, конституционное право, форма государства, государственность, преобразование конституции.

At the assessment of the efficiency of constitutions, the consideration should be given to the quality of the regulating and legal material which is contained in them and also their influence on dynamics of statehood and stability of the state. The Constitution of the Russian Federation played an important role in stabilization of political system, introduction of the legal basis of the constitutional statehood and advancing of law-based governance. With the development of the state there is an objective need to introduce amendments to the Constitution which is caused by improvement of constitutionalism practice, change of approaches to definition of limits and depth of the constitutional regulation of the public relations. At the same time, the Constitution of the Russian Federation reveals significant flaws in the doctrinal, formal-logical and technical-legal nature, conditioned by its transitional character

For a number of fundamental positions, it enters an insoluble contradiction with the new strategic guidelines for the state and social development of Russia, which are formalized in modern conditions. This circumstance is an incentive for broadening public discussion about the choice of the optimal model of the constitution. The author believes that in relation to the constitution, and also to the legal branches, the parallel use of legal constructions of the subject and object is not only appropriate, but also desirable both for the applied and scientific cognitive purposes. The article analyzes the approaches to determination of further prospect of the existing Constitution of Russia.

Key words: subject, subject to the constitutional regulation, Constitution, Constitutional right, form of the state, statehood, transformation of the constitution.

DOI 10.14258/izvasu(2018)3-11

В декабре 2018 г. исполняется 25 лет со дня принятия Конституции Российской Федерации. Примечательно (и это наблюдается регулярно), что с приближением круглых дат активизируется внимание не только к традиционным аспектам, затрагивающим сущность, регулятивный и созидательный потенциал основного закона государства, но и ко многим связанным с его функционированием общим проблемам конституционного права, имеющим фундаментальный и, по сути, непреходящий характер: о предмете конституционного права и его соотношении с предметом конституционного регулирования, о направлениях совершенствования конституционного строя и государственности в целом, о конституционных циклах и их временных горизонтах, в том числе об обозримой перспективе действующей Конституции РФ.

Четверть века миновало с момента принятия Конституции РФ. Много это или мало? Вряд ли на этот вопрос можно ответить однозначно. Думается, что к оценке социальной и политико-правовой значимости конституций невозможно подходить с сугубо временных, хронологических позиций. При анализе эффективности (полезности) конституций должна учитываться интенсивность общественных процессов и событий, влиявших на качество содержащегося в них нормативно-правового материала, динамику государственности и устойчивость государства. Т. Джефферсон, например, считал необходимым включение в конституцию США нормы о периодическом пересмотре ее пунктов и даже рассчитал, какой примерно должна быть периодичность поправок. На основе данных о смертности в Европе того времени он определил примерный период смены поколений — 19 лет. Он полагал, что каждое новое поколение «имеет право само выбирать ту форму правления, которая, по его мнению, больше всего содействует его счастью, и, следовательно, приспособиться к тем условиям, доставшимся от своих предшественников, в которых оно очутилось. Именно ради мира и блага человечества конституцией должна быть предусмотрена формальная возможность производить это каждые девятнадцать или двадцать лет, с тем, чтобы она могла всегда передаваться дальше с периодическими поправками, из поколения в поколение, до скончания века, если что-либо человеческое может так долго продолжаться» [1, с. 122].

Чаще всего, если это, конечно, не временная изначально конституция, законодателю точно спрогнозировать период действия основного закона весьма затруднительно. Судя по всему, именно по этой причине в большинстве современных конституций поводы, основания и процедуры изменения (пересмотра) конституции не отличаются отточенностью регламентации. В этом плане не является исключением и Конституция РФ.

Безусловно, Конституция РФ сыграла выдающую роль в стабилизации политической системы, укоренении начал правового государства и государственности в целом. На протяжении двух с половиной десятилетий в условиях реального конституционного строительства осваивался и совершенствовался инструментарий отечественного конституционализма. И нет сомнений в том, что в восприятии основ конституционной государственности профессиональное юридическое сообщество продвинулось существенно. Сейчас оно кардинально иное по сравнению с тем, каким было в начале 90-х гг. прошлого столетия. И в этом тоже большая заслуга нашей Конституции.

Всякая конституция есть своего рода паспорт государства. Его «дизайн» и содержательное наполнение зависит от задумки ее авторов. Известно, что уровень реализации этой задачи зависит от многих факторов (исторических, ментальных, культурных, идеологических, доктринальных и проч.). По этой причине обнаруживается множество моделей конституции, классифицируемых по самым разным основаниям. Соответственно различаются подходы к определению предмета, т.е. пределов, глубины и временного горизонта конституционного регулирования общественных отношений, формирующих структурно-функциональную основу («матрицу») государственности конкретной исторической нации. И изначально задача разработки оптимальной модели неимоверно сложна. Правда, и опыт в деле конституционного строительства народами накоплен колоссальный. Он подлежит скрупулезному изучению, что происходит непрерывно.

Итак, центральным пунктом темы предмета/объекта конституционного регулирования является проблема пределов и глубины регулирования нормами основного закона государства идейно-политических, структурно-функциональных и прочих начал государственности, получающих соответствующее ценностно-нормативное выражение. И обсуждение этой темы неизменно увязывается с рассмотрением проблем предмета конституционного права (см. [2, с. 59–64; 3, с. 36–52; 4, с. 13–17; 5, с. 68–75; 6, с. 43–53]). Можно отметить отдельные характерные моменты, выявляемые при анализе сложившихся мнений и позиций по отмеченным вопросам. Прежде всего наблюдается известная несогласованность в употреблении терминов «предмет» и «объект» при обозначении круга и содержания общественных отношений, подвергаемых регулированию отраслью конституционного права в целом и конституцией в частности. В этой связи было предложено преодолеть возникающее методологическое затруднение посредством проведения линии разграничения между понятиями «объект регулирования» и «предмет изучения»: их следует разли-

чать, поскольку «объект регулирования относится к действующему конституционному праву (нормам), предмет изучения — к науке и учебному курсу конституционного права. В ином случае происходит подмена понятий»; сообразно предложенной трактовке введена категория «объект конституционного регулирования» [2, с. 67]. Вместе с тем нет разногласий в понимании того, что предметы/объекты конституционного и конституционно-правового регулирования не совпадают. Сфера конституционно-правового регулирования по определению шире, поскольку конституция — хоть и важнейший, но не единственный источник конституционного права. При этом ведется постоянный поиск такой модели конституции, которая бы содержательно «соблюдала меру, необходимые пропорции» и при этом выполняла «свою организующую и регулирующую роль» [5, с. 75].

Заметим, что в отечественной правовой науке отождествление предмета и объекта правового регулирования имеет довольно-таки распространенный характер. К объектам одновременно могут быть отнесены и общественные отношения, и деятельность, и материальные объекты, и социальные институты. Так, в «Юридическом энциклопедическом словаре» 1984 г. (под ред. А.Я. Сухарева) объект права — это «общественные отношения, которые подлежат ... правовому регулированию» [7, с. 207–208]. Наряду с этим в качестве объектов конституционного или же конституционно-правового регулирования называются денежно-кредитная политика [8], экономическая деятельность [9], земля [10], государственная граница [11], государство [12], политика [13] и т.д.

Различия между объектом и предметом регулирования относительно. Тем более что семантически они практически неразличимы. Слово «объект» произошло от лат. *objectum*, которое переводится как «предмет» [14, с. 432]. Конкретное явление или же институт в одном отношении может рассматриваться как объект, в другом — как предмет регулирования. Тем не менее теоретико-методологические основания для их разграничения имеются. Это касается не только научно-познавательного, но и нормативно-регулятивного аспектов. В философии *объект* — то, что противостоит *субъекту* в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не просто тождествен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом [15, с. 452]. *Предмет* — категория, обозначающая некоторую целостность, выделенную из мира объектов в процессе человеческой деятельности и познания. Соответственно один и тот же объект может быть предметом различных видов исследования [15, с. 525]. По этому основанию, собственно говоря,

происходит дифференциация наук. Для иллюстрации приведем хрестоматийный пример, позаимствованный из естествознания. Он связан с водой. Вода, как известно, сложный природный объект с присущими ему разными характеристиками — и химическими, и физическими и проч. Как химическое соединение кислорода с водородом она является предметом изучения химии. Как физическое тело, способное под воздействием внешних условий изменять свои агрегатные состояния, т.е. принимать форму твердого (лед), газообразного (пар) вещества или жидкости, вода становится предметом физики. Как видим, объект один, а предметы разные. Не секрет, что государство как явление и социальный институт, равно как и государствоведение, не есть эксклюзивное исследовательское поле юриспруденции. Государство многомерно, и как объект научного внимания оно является одновременно предметом исследования государственного (конституционного) права, политологии, социологии, этнологии, регионоведения и иных дисциплин.

Если под аналогичным углом зрения рассматривать специфику субъект-объектной зависимости, то она более логичной видится применительно к конструкции правоотношения. Объект есть узловой элемент правоотношения, по поводу которого субъекты вступают во взаимодействие. Тем не менее субъект-объектная связь просматривается и при рассмотрении объектов конституции. Объекты — это целостные области, фрагменты государственно-правовой действительности, социальные институты и ценности, входящие в сферу приоритетного внимания конституционного законодателя в силу их особой значимости, актуальности. А предметы — это конкретные связи и процессы, детерминирующие соответствующие государственно-правовые явления в целом либо затрагивающие отдельные стороны их функционирования.

Различия между объектом и предметом конституционного регулирования приобретает диалектический характер и предстает в любопытном ракурсе. Он выявляется при более внимательном изучении структуры и содержания многих нормоположений Конституции РФ.

Рассмотрим несколько примеров. Согласно ч. 1 ст. 20 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь. Стало быть, последнее является объектом Конституции РФ, но в специфическом, суженном истолковании. Как вытекает из ч. 2 ст. 20, речь идет об особом правовом режиме применения смертной казни как исключительной меры уголовного наказания, что, собственно, и составляет предмет регулирования. Таким образом, само по себе право на жизнь — в том виде, как оно формулируется, — есть сфера, практически не поддающаяся полному охвату правовым регулированием. Если бы такое было

возможным, то право на жизнь стало бы эквивалентным праву на бессмертие. Уточнение, конкретизация юридического содержания этого права — объекта конституции — обеспечивается обозначением предметной области, т.е. тех конкретных правоотношений, а именно отношений уголовно-правовых и уголовно-процессуальных, с соблюдением которых допускается лишение жизни.

Другой пример. Согласно ч. 1 ст. 21 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Здесь объектом конституции является достоинство личности. Достоинство — совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе [16, с. 177]. В Хартии Европейского Союза об основных правах (принята в Страсбурге 12.12.2007) раздел «Достоинство» содержит следующие гарантии: право на жизнь с установлением запрета на применение смертной казни (ст. 2); право на целостность личности — физическую и психическую, а в рамках медицины и биологии должны соблюдаться: а) свободное и основанное на адекватной информации согласие заинтересованного лица в соответствии с условиями, определенными законом; б) запрет на занятия евгеникой, особенно тех, которые ставят целью произвести отбор между людьми; в) запрет на превращение человеческого тела и его частей, как таковых, в источник прибыли; г) запрет репродуктивного клонирования человеческих существ (ст. 3); запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ст. 4); запрещение рабства и принудительного труда: никто не может содержаться в рабстве или подневольном состоянии; никто не может привлекаться к выполнению принудительного или обязательного труда; торговля людьми запрещена (ст. 5).

В ч. 2 ст. 21 Конституции РФ предметная область, охватываемая непосредственным правовым регулированием вопросов охраны достоинства личности, определена уже: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Таким образом, объект нашего внимания по сути один и тот же, но трактовки расходятся, в соответствии с чем по-разному определяются пределы регулирования — предмет правового воздействия.

Состав объектов конституции довольно-таки неоднороден. К ним можно отнести как государство в целом (ч. 1 ст. 5, ч. 1 ст. 7 Конституции РФ) или субъект Российской Федерации (ч. 2 ст. 5), так и отдельные компоненты механизма государства: глава государства (ст. 80), парламент (ст. 94), пра-

вительство (ст. 110) или систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 1 ст. 77), систему органов исполнительной власти в Российской Федерации (ч. 2 ст. 77). В качестве объектов конституции выступают элементы формы государства (форма правления, форма государственного устройства, форма государственного режима) или государственного строя (статус человека и гражданина, федеративное устройство, система местного самоуправления и т.д.). Таковыми также являются материальные объекты, социальные явления или институты (земля и другие природные ресурсы, экономическое пространство, государственная власть, собственность, семья, идеология, цели и задачи государства, правовые принципы и ценности, общественные объединения, политические партии и т.д.), правовые режимы (чрезвычайное положение — ч. 1 и 2 ст. 56, ст. 88; военное положение — ч. 2 и 3 ст. 87), а также дефиниции (например, определения понятий «Российская Федерация», «Россия» — ст. 1, «Федеральное Собрание» — ст. 94).

Как известно, не все положения конституции содержат правовые нормы в собственном смысле слова. В первую очередь это касается норм-целей (например, содержащихся в преамбуле Конституции), норм-принципов (о суверенитете, верховенстве Конституции и федеральных законов, территориальной целостности — ст. 4; разделение властей — ст. 10), норм-дефиниций (ст. 1, ч. 1 ст. 7, ч. 1 ст. 14). Тем не менее в них вложен значительный регулятивный потенциал, обусловленный целеполагающим, ценностно-ориентирующим содержанием нормоположений Конституции. Поэтому включение в орбиту регулятивного воздействия Конституции и объектов, и предмета представляется правомерным. Причем внесение тех или иных социальных институтов в состав объектов не обязательно нуждается в «предметном» сопровождении (нормы-цели, нормы-дефиниции). С другой стороны, функциональность объекта может обеспечиваться правовыми средствами не только конституционно-правового содержания. К этому выводу можно было прийти исходя из приведенных примеров с правом на жизнь и охраной достоинства личности. В первом случае реальное воплощение права на жизнь осуществляется в уголовно-правовой сфере. Охрана достоинства личности предполагается как в уголовно-правовой сфере, так и в областях, регламентируемых законодательством о здравоохранении, труде и социальном развитии. По этой причине в конституциях могут содержаться нормы иных отраслей права, в силу чего они являются источниками не только конституционного права.

Функционирование федеративного устройства (объект) сопровождается возникновением, изменением, прекращением отношений, могущих быть

предметом конституционного права, административного права, финансового права и иных отраслей, нормы которых с избытком наличествуют не только в главе 3, но и в главах 1, 4–7 Конституции РФ. Так, административно-правовые связи выявляются по всему спектру процессов, сопровождающих функционирование государственного устройства, в том числе и в сфере разграничения предметов ведения и полномочий Российской Федерации и субъектов РФ. Происходит это в силу того очевидного обстоятельства, что механизм так называемого «вертикального» разграничения компетенции, действующий в федерациях, непосредственным образом затрагивает область государственного управления и взаимодействие федеральных и региональных органов исполнительной власти. И очень похоже, что под так называемыми «федеративными отношениями», традиционно рассматривавшимися в качестве конституционно-правовых, на самом деле могут подразумеваться и административно-правовые, и налогово-бюджетные и прочие связи.

Думается, что в теоретико-методологическом и технико-юридическом плане углубление анализа соотношения объекта и предмета правового регулирования имеет перспективу не только для конституционно-правовой, но и других отраслевых научных дисциплин. В том числе и для уточнения подходов к рассмотрению проблемы, имеющей фундаментальный характер, — о предмете, методе и отраслевом правовом режиме как основаниях группировки правовых норм в рамках отраслей права и построении системы права. Продуктивность этого подхода видится в том, что он позволяет *диалектически* разрешить казавшееся непреодолимым противоречие, имеющее объективный характер: наличие в основном законе, иных источниках права норм различной отраслевой принадлежности и принципиальная невозможность консолидации норм исключительно по отраслевому признаку. Причем рассматриваемый подход, будучи полезным для оптимизации решения задач в области техники юриспруденции и систематизации законодательства, обладает серьезным научно-познавательным потенциалом. Попытаемся на его основе охарактеризовать форму государственного правления в современной России.

Поскольку механизм государства, как, собственно, и само государство, имеет иерархическую структуру, то специфика организационно-властных взаимосвязей между главой государства и иными высшими органами государственной власти обусловлена формой правления, закрепляемой конституцией. Помимо известных признаков республиканской формы правления (парламентской, президентской,

смешанной), таких как характер распределения государственно-властных полномочий между высшими органами государственной власти, статус и место того или иного органа государственной власти в механизме государства и т.д. (перечислить), решающим критерием является то, какой именно орган — парламент или глава государства имеют прерогативы по отношению к системе исполнительной власти (в особенности к правительству), несущим основную функциональную нагрузку по государственному управлению в стране. Если перевес полномочий по формированию правительства, контроля за его деятельностью на стороне парламента — республика парламентская, если у президента — республика президентская, если примерный паритет — республика смешанная.

Для президентской формы правления характерно то, что между главой государства (президентом) и премьер-министром, членами кабинета министров складываются по преимуществу субординационные, т.е. административно-правовые отношения. При парламентской или смешанной форме они, сохраняя иерархический характер (ведь речь все-таки идет о главе государства), реже являются отношениями «власти — подчинения» и имеют скорее координационный характер. Таким образом, адекватная идентификация формы правления (объекта конституционного регулирования) возможна лишь с точной диагностикой содержания правоотношений, которые могут быть одновременно предметом и конституционного, и административного права.

Согласно статье 80 Конституции РФ Президент РФ как глава государства обеспечивает согласованное взаимодействие органов государственной власти. В рамках реализации этой государственной функции взаимоотношения Президента с палатами Федерального Собрания РФ и иными органами государственной власти, например, в законодательном процессе, или при формировании соответствующих органов, или назначении на государственные должности (Председателя Правительства РФ; руководителей и судей Конституционного суда РФ, Верховного суда РФ; Генерального прокурора РФ и его заместителей; Уполномоченного по правам человека РФ; Председателя, его заместителя и аудиторов Счетной палаты РФ и др.) имеют конституционно-правовой характер. Когда Президент осуществляет согласительные процедуры для разрешения разногласий между государственными органами государственной власти Российской Федерации и органами ее субъектов (ч. 1 ст. 85 Конституции РФ) или приостанавливает действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае их несоответствия Конституции Российской Федерации

и федеральным законам до решения этого вопроса соответствующим судом, то он также действует в конституционно-правовом поле.

Вместе с тем отношения между Президентом РФ и органами исполнительной власти могут наполняться иным — административно-правовым содержанием. Таковы правоотношения, складывающиеся между Президентом РФ и Правительством РФ, другими федеральными органами исполнительной власти. Когда Президент РФ председательствует на заседаниях Правительства РФ (п. «б» ст. 83 Конституции РФ), утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти и назначает заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров (ст. 112), напрямую отменяет противоречащие Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ постановления и распоряжения Правительства (ч. 3 ст. 115), то эти функции реализуются в административно-правовом режиме.

«Административистская» логика при формировании механизма взаимодействия Президента РФ и федеральных органов исполнительной власти нашла отчетливое выражение в тексте Указа Президента РФ от 21 мая 2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» [17]. В соответствии с этим указом в состав федеральных органов исполнительной власти входят 21 федеральное министерство, 30 федеральных служб, 22 федеральных агентства. При этом Президент РФ осуществляет руководство деятельностью пяти федеральных министерств (МВД России, МЧС России, Минобороны России, Минюст России), 10 федеральных служб (СВР России, ФСБ России, Росгвардия России, ФСО России и др.) и четырех федеральных агентств (Россотрудничество, Росархив, ГУСП России, Управление делами Президента РФ). Таким образом, взаимодействие Президента РФ с Правительством РФ и иными федеральными органами исполнительной власти имеет преимущественно административно-правовую природу.

Президент РФ, находясь как бы вне механизма разделения властей, самым непосредственным образом интегрирован в систему федеральных органов исполнительной власти и фактически возглавляет ее, что позволяет характеризовать форму государственного правления не иначе, как исключительно *президентскую*. Наличие у Государственной Думы РФ полномочий по даче согласия на предложение о кандидатуре Председателя Правительства РФ (ст. 111 Конституции РФ), выражению недоверия Правительству РФ (ч. 2 и 3 ст. 117), рассмотрению ежегодных отчетов о результатах своей деятельности, в том числе по вопросам, поставленным Государственной Думой (п. «а» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ), и т.д. не изменяет существа вопро-

са. Во всех случаях, как при назначении Председателя Правительства РФ, так и при отставке его, а также и самого Правительства, право принятия окончательного решения принадлежит Президенту РФ. Согласно ч. 2 ст. 117 Президент РФ может вообще не руководствоваться правилом должной юридической процедуры при принятии решения об отставке правительства и ни с кем этого решения не обсуждать. Иначе говоря, его прерогативы в этой части имеют абсолютный и непререкаемый характер.

Изложенное, конечно же, наводит на размышления обобщающего характера о степени рациональности сложившейся формы правления, логичности бифидальной схемы построения системы исполнительной власти и, наконец, о ее эффективности. Однако в контексте излагаемого хотелось бы заострить внимание на другом вопросе. Речь идет о направленности трансформационных изменений, происходящих с текстом конституции, в форме ее преобразования. Ведь упомянутый Указ Президента РФ «О структуре федеральных органов исполнительной власти» — это характерный пример того, что нетекстуальная модификация Конституции РФ может осуществляться не только федеральными законами и актами Конституционного Суда РФ, как это считалось устоявшимся, но и подзаконными актами.

Преобразование конституции — существенное изменение смысла отдельных положений конституции без внесения изменений в текст посредством развивающего ее законодательства и судебной практики. Пределы такого преобразования составляют официально признаваемое сущностное содержание основополагающих конституционных принципов и развивающих их «рядовых» конституционных принципов [18, с. 218]. Преобразование, т.е. нетекстуальное изменение конституции, есть изменение смысла отдельных положений конституции без вторжения в конституционный текст, осуществляется через развивающие ее предписания федеральное законодательство и решения Конституционного суда РФ [19, с. 141]. По данным Е.С. Аничкина, полученным в ходе выполненного им обстоятельного научного исследования, в период с 1994 по 2009 г. наиболее активному преобразованию федеральными законами и актами Конституционного суда РФ подвергнуты положения Конституции РФ, затрагивающие: основные права и свободы человека и гражданина; разграничение предметов ведения между Российской Федерацией и ее субъектами; конституционно-правовой статус автономных округов; основы функционирования высших федеральных органов государственной власти; основы организации высших органов государственной власти субъектов РФ; основы местного самоуправления; законотворческие процедуры и нормативные правовые акты

[19, с. 177–242]. При этом массив законодательных и судебных актов, преобразующих Конституцию РФ, уже не поддается простому учету и систематизации. Возникают резонные опасения: до каких пределов допустима нетекстуальная модификация конституционного текста. Здесь, как справедливо заметил Е.С. Аничкин, рецептов, по сути, может быть два: внесение соответствующих поправок либо пересмотр конституции [19, с. 280–282].

В литературе высказано множество диаметрально разных позиций насчет будущего Конституции РФ — от нежелательности изменений до ее полной замены (см. [15, с. 278–303; 20; 21; 22, с. 348; 23, с. 7; 24; 25, с. 63–73] и др.). Как говорится, разброс мнений адекватен масштабу проблемы. Представляется, что для пересмотра Конституции имеются весомые основания, что отнюдь не предполагает постановку и решение соответствующего вопроса со дня на день.

Во-первых, наблюдаемые масштабы «преобразовательной активности» в отношении Конституции РФ весьма симптоматичны. Они говорят не только и не столько о формально-логических, технико-юридических, структурных и прочих недочетах конституционных положений, сколько о фундаментальных мировоззренческих и доктринальных провалах, вкравшихся в модель отечественной конституции. Она как документ, создававшийся в спешке (например, работа по разработке, обсуждению, согласованию и принятию Конституции Швейцарии 1999 г. была начата 1967 г. и длилась 33 года), в условиях системного кризиса государственности, вобрала в себя и отобразила все противоречия той эпохи. В нее вложен «культурный код» кризисной государственности и кризисного правосознания, который в силу известных юридических свойств конституции имеет тенденцию регулярно воспроизводиться в государственно-правовой действительности и вызывать эффект торможения. По мере наработки опыта реального конституционализма постоянно выявляются системные просчеты, устранять которые раз за разом становится все сложнее. Между тем в практике государственно-управленческой деятельности многократно подтверждено простое правило: отсутствие системности в постановке и решении задач заставляет систематически переделывать сделанную работу и начинать все сызнова.

Во-вторых, Конституция России как продукт, порожденный в период «наивного» увлечения либеральными идеями в начале 90-х гг. прошлого столетия, насквозь пропитана духом политического либерализма. А потому ее идеология, институциональное обеспечение и правовой механизм глубоко антагонистичны наметившейся ориентации руководства страны в сторону традиций российского консерватизма. Иначе говоря, в период ее действия

назревает кардинальная смена идеологии и политико-правовых ориентиров государственного развития. Ведь совсем недавно, буквально пять лет назад, тезисы подобного плана воспринимались как вполне приемлемые: «За двадцать лет своего существования Конституция России не состарилась, не потеряла свое лицо. Она повзрослела вместе со страной, возмужала вместе с народом, обогатилась практикой государственного строительства, поддержкой гражданского общества. Юридическая конституция приобрела статус фактической. Однако творческий потенциал Конституции не исчерпан. Она еще долго будет путеводной звездой *либерально-демократической трансформации* российского общества и государства» [26, с. 1307–1317]. Вкупе со многими внедренными в Конституцию РФ либерально-политическими идеями и принципами Европейского просвещения (индивидуализма, народного суверенитета, разделения властей и т.д.) ее текст изобилует фиктивными положениями. Они затрагивают системообразующие элементы государственности и конституционного строя (цели государственного развития, основы социального государства, федеративного устройства, механизм разграничения компетенции высших органов государственной власти, организацию законодательного процесса, начала местного самоуправления и т.д.). Обилие норм-фикций существенно ограничивает целеполагающий, созидательный и социорегулятивный потенциал основного закона государства. Это делает настолько аморфным и зыбким ценностно-нормативный каркас конституции, что при кажущейся ее незыблемости вектор государственного развития может приобрести самые неожиданные направления в зависимости от текущей политической конъюнктуры. В таких условиях возможны не контролируемые народом трансформации формы государства, избирательной системы и смыслового наполнения идеи демократии, что, собственно, и происходит перманентно. Наверное, это все-таки неправильно.

В-третьих, в немалой степени дальнейшему размыванию ценностно-нормативного каркаса Конституции РФ способствует осуществление доктрины ее преобразования, производимой достаточно хаотично, без надлежащей систематизации и координации. Как итог, в ходе конституционного строительства мы получили такую модель конституции, идентификация или диагностика которой с одновременным уточнением состава объектов и предмета регулирования, упорядочением адекватного нормативного материала потребует колоссальных усилий. Вполне возможно, что делать это уже и не нужно.

В-четвертых, действующая Конституция не содержит в себе тех политико-правовых начал, которые хотя бы в первом приближении соответствовали

целям и задачам российского государства, построенного на началах отечественной консервативной идеи. Возникает существенное расхождение между провозглашаемыми ориентирами государственного развития и практическими шагами по их воплощению в жизнь. Как уже говорилось, именно российские консерваторы развенчали идеи народного суверенитета, либеральной демократии и разделения властей. Ими подвергалась глубочайшему сомнению эффективность и полезность «партийной» модели демократии, поскольку она усиливает олигархические тенденции в функционировании государства и создает непреодолимую пропасть между властью и народом. Причем они выступали категорически против «срастания» аппарата политических партий с государственным аппаратом. Представители классической консервативной мысли считали губительным для будущего российской государственности федеративное устройство; справедливость этих сомнений исторически подтвердилась дважды: мы по-

теряли Союз ССР в начале 1990-х гг., а следом чуть было не распалась Российская Федерация.

Если быть последовательными в осмыслении и осуществлении ментальных, идеологических и политико-правовых начал «просвещенного консерватизма», выраженных и глубоко проработанных выдающимися отечественными мыслителями (Н.Н. Алексеевым, Н.А. Бердяевым, И.А. Ильиным и многими другими), то неспособность сложившейся модели Конституции РФ быть «путеводной звездой» в формирующейся «дорожной карте» Государства Российского налицо. Вопрос, однако, в том, что от провозглашения ярких идей до их адекватного восприятия, тем более практического воплощения, пролегают, как говаривал один из героев А.С. Грибоедова, «дистанции огромного размера». Так что время основательно поразмышлять обо всем этом у нас, по всей видимости, еще есть. Только не потратить бы его зря.

Библиографический список

1. Американские просветители. Избранные произведения в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. Б.Э. Быховского. — М., 1969.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие: в 2 т. — 4-е изд., перераб. — М., 2010.
3. Коњухова И.А. Конституционное право Российской Федерации. Общая часть : курс лекций. — М., 2006.
4. Лукьянова Е.А. Еще раз о предмете конституционного права с позиции нового тысячелетия // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 1.
5. Чиркин В.Е., Хабриева Т.Я. Теория современной конституции. — М., 2005.
6. Егорова Н.Е. К вопросу о предмете правового регулирования федерального закона как источника конституционного права России // Журнал российского права. — 2009. — № 11.
7. Юридический энциклопедический словарь. — М., 1984.
8. Билык О.О. Конституционный характер политики Банка России как объекта государственного-правового регулирования // Банковское право. — 2006. — № 4.
9. Геворкян М.В. Понятие экономической деятельности как объекта конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2011. — № 11.
10. Савченко Н.А. Земля как вид недвижимости в качестве объекта конституционного регулирования // Правовые вопросы недвижимости. — 2014. — № 1.
11. Кудинов В.В. Государственная граница Российской Федерации как объект конституционно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасности государства // Конституционное и муниципальное право. — 2008. — № 21.
12. Шустров Д.Г. Государство как объект конституционно-правового регулирования // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 5.
13. Кондратьева М.А. Политические отношения в предмете конституционного права // Конституционное и муниципальное право. — 2010. — № 7.
14. Васюкова И.А. Словарь иностранных слов. — М., 2001.
15. Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. — М., 1999.
17. О структуре федеральных органов исполнительной власти : Указ Президента РФ от 21.05.2012 № 636 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 22. — Ст. 2754.
18. Невинский В.В. Основы конституционного строя. Обеспечение достоинства личности. Конституционные принципы публичной власти : избранные труды. — М., 2012.
19. Аничкин С.С. Преобразование Конституции Российской Федерации и развитие конституционного законодательства в конце XX — начале XXI в. — М., 2010.
20. Авакьян С.А. Стране нужна новая Конституция // ЭЖ-Юрист. — 2007. — № 50.

21. Авакьян С.А. Гарантированное народовластие // Независимая газета. — 2012. — 16 окт.
22. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. — М., 2007.
23. Осейчук В.И. О необходимости нового этапа конституционной реформы в России // Конституционное и муниципальное право. — 2006. — №5.
24. Стариков Ю.Н. Будущее Конституции Российской Федерации: «реализация без изменений», «преобразова-
- ние» или «неизбежность пересмотра»? // Право и политика. — 2005. № 1-2.
25. Чиркин В.Е. К вопросу о точности конституционной терминологии // Журнал российского права. — 2011. — № 2.
26. Михалева Н.А. Конституция 1993 г. — юридическая модель настоящего и будущего России // Lex russica. — 2013. — № 12.